

В.Н. ПЕТРОВ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Этнические миграции в полиэтничную среду

За последнее десятилетие в Краснодарском крае резко возросла доля мигрантов. Это приводит к межэтнической напряженности и конфликтам. Специфичность ситуации связана с возникшими в это же время и отчасти удовлетворенными притязаниями части местного населения — казаков — на особый этнический и правовой статус.

В 1996–1999 гг., по данным Краснодарского краевого комитета государственной статистики, было зарегистрировано 302407 мигрантов. Миграционный прирост составил 136996 чел. При этом положительное сальдо миграции в 2,1 раза превысило среднероссийский уровень (4,3 чел. на 1000 чел. населения). Основная масса мигрантов (68,5%) прибыла из России; весомая доля принадлежит Северо-Кавказскому, Дальневосточному и Западно-Сибирскому регионам. Из стран СНГ больше всего приезжих из Украины, Казахстана, Грузии (включая Абхазию). По экспертным оценкам число нелегальных мигрантов в 1,5–2 раза превышает число зарегистрированных, и, таким образом, их общее количество за последнее десятилетие может составить около полумиллиона человек.

Одновременно с притоком мигрантов обнаружилась тенденция к естественному сокращению численности местного населения как следствие превышения смертности над рождаемостью. Этнические миграции, особенно в последние годы, приобрели замещающий в демографическом отношении характер. В составе прибывающих и остающихся на Кубани мигрантов доли лиц в возрасте моложе трудоспособного и трудоспособном составили соответственно 22,2% и 49,9%. Сложившаяся этническая структура, несомненно, обусловила этническое представительство мигрантов: 80,7% — русских, 5,9% — армян, 5,8% — украинцев; остальные этносы составляют менее 1% каждый. Очевидно, что проживающие в крае этносы стали своеобразным магнитом, притягивающим соплеменников. В то же время под влиянием демографических процессов и интенсивной полиэтничной миграции произошли существенные изменения в социальной общно-

---

Петров Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, зав. отделением социологии Кубанского госуниверситета. **Адрес:** Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, кабинет 248. **Телефон:** (251) 69–95–01, доб. 220.

сти Краснодарского региона: появились новые этнические группы — турки-месхетинцы и курды, существенно увеличилась численность грузин (на 43,6%), армян (на 39,4%), молдаван (на 16,9%), имеет место заметный прирост русских, греков, украинцев. Одновременно в связи с эмиграцией на историческую родину резко уменьшилась численность немцев (на 42,7%), евреев (на 33,0%) [1].

Массовый наплыв мигрантов создает проблемы в социально-экономической, политической сферах принимающей среды: увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру, обостряется конкуренция в сфере занятости, растет напряжение в межнациональных отношениях, что приводит к появлению такого социального феномена как «мигрантофобия». Возникающее социальное напряжение вызвано также разнородностью институциональных оснований, то есть различиями в социальном порядке и социальной организации различных этносов, социокультурными различиями, неопределенностью положения мигрантов, несовпадением статусно-ролевых представлений, конфликтом идентичностей, маргинализацией.

Оппозиция «местные» — «пришлые» и мигрантофобия

Социальные отношения мигрантов и групп, с которыми они контактируют и в которые пытаются интегрироваться, приобретают проблемный характер, особенно если речь идет о вынужденных мигрантах. Такие отношения по определению предполагают враждебность, возникающую из противопоставлений «я» — «они», «мы» — «они». «Они» для местного населения — «пришлые» — «другие», «чужие», «не наши», «не такие как мы»; «то, что характерно для них, не приемлемо для нас», «мы не такие, как они»; «они» могут быть невежливыми, вызывающими, противными. Так рождается оппозиция «пришлый — местный». Она базируется на оппозиции ожиданий: «они» враждебны «нам». Антагонизм по отношению к чужим обычно возникает на почве иррациональных предубеждений и трактовки чужих как угрозы себе. Эта оппозиция имеет онтогенетическое происхождение, все, кто извне, — «враги». Только мы внутри — «свои». Отношения между мигрантами и местными демонстрирует триада М. Ньстоун и Дж. Джаспарс: (а) «мы лучше, чем они»; (б) «они хуже, чем они думают о себе»; (в) «мы лучше, чем они думают о нас» [2, с. 116]. Для мигрантов «местные» — «они», «другие», «чужие». «Мы», мигранты, ожидаем от «них» эмпатии, соучастия, помощи, но «они» равнодушны, а то и агрессивны. Оппозиции в ожиданиях приводят к оппозициям в действиях, также располагающимся между полюсами дружба — враждебность, помощь — преследование, мир, спокойствие — агрессия и т. д.

Структура возникающей в результате массового наплыва приезжих мигрантофобии представлена конструкциями, культивируемыми в сознании местных:

Статистическая фобия. «Их», мигрантов, на самом деле больше, чем принято считать. «Они» покушаются на созданное нами и принадлежащее только нам, используют наши ресурсы. «Они» сокращают наши возможности самореализации в экономической деятельности, потому что более активны и предприимчивы, обладают большими финансовыми возможностями. На них не рассчитаны возможности инфраструктуры (школы, больницы, транспорт, пособия, пенсии). «Они» расселяются на нашей территории и занимают наше жизненное пространство. «Они» более преступны, чем «мы» и угрожают нашей безопасности. «Они» опасны для нашей политической стабильности и самостоятельности, «они» требуют представительства в органах власти и управления. «Они» чужды нашей культуре (не знают и не хотят знать нашего языка, не соблюдают наших порядков, традиций). «Они» угрожают нашему социальному положению (ведут себя свободно, нагло, как хозяева, живут лучше, чем мы) и нашему существованию в целом — «синдром Косово».

Геополитическая фобия. Кубань — приграничный регион. «Они» сознательно и целенаправленно поселяются вблизи важных стратегических объектов и таким образом создают потенциальную угрозу региону и национальной безопасности России в целом. «Они» угрожают нашему единству и целостности с Российской Федерацией (пресловутые планы армян по созданию на территории Кубани своего государства).

Новая фобия. «Они» хотят получить закрепиться здесь для того, чтобы завладеть кубанской землей (в связи с принятием Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения).

Распространенность ксенофобии и мигрантофобии в современной России свидетельствует об общих причинах этого комплекса, его характерными признаками являются фрустрация, трансформирующаяся в страх перед будущим из-за неопределенности и непредсказуемости развития событий, осознание невозможности повлиять на ситуацию и низкая оценка вероятности позитивных изменений. При этом острота локальных проблем крайне гипертрофируется. Особенности мигрантофобии на Кубани заключаются в ее отнесенности к определенным группам этнических мигрантов: это турки-месхетинцы, армяне, курды. Именно с ними у местных, и, прежде всего, у казачества, складываются как реальные, так и мифологические этнические противостояния.

Идентичность и свойство толерантности

Этническая нетерпимость — значимая форма кризисных трансформаций этнической идентичности. По мнению Г.У Солдатовой, социальная нестабильность резко актуализирует потребность в присоединении и социальных связях — солидарности, идентичности, принадлежности к группе. Трансформация социальной напряженно-

сти в межэтническую повышает потребность в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности [2, с. 335].

Формирование идентичности заключается в последовательном вхождении индивида в систему социальных связей: «Отправной пункт этого процесса — интернализация: непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как определенного значения, то есть как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» [3, с. 211]. Субъективный опыт «значимого другого» перерабатывается внутри «я». Появляется так называемая группа «мы», с которой «я» ощущает близость «по духу». Понятие «значимый другой» предполагает, что его мир становится моим собственным миром. «Он и я живем в одно время, нас объединяет обширная перспектива, в которой последовательность ситуаций соединена в интересующий мир. Теперь мы не только понимаем определения друг друга, касающиеся тех ситуаций, в которых мы оба участвуем, но и взаимно определяем их. У нас возникает связь мотиваций, распространяющихся на будущее. Но что важнее всего — теперь между нами происходит постоянная непрерывная идентификация. Мы не только живем в одном и том же мире, но и участвуем в бытии друг друга» [3, с. 212].

Посредством интернализации создается социальный опыт. «Опыты направлены не на прошлое, а на будущее, порождая типичное ожидание из типичного опыта. Ожидание является чем-то вроде предвоспоминания о действии, которое сложилось в будущем. А. Шютц назвал это предвоспоминание проектом» [4]. На этом этапе идентичность выражает не столько процесс соотнесения с другими, сколько результат соотнесения прошлого опыта с настоящим, помогает найти точки соприкосновения, общности и единства, установить их общую отнесенность к ценностям и нормам. В феноменологической трактовке «другой» может аффективно или рационально восприниматься с той или иной степенью толерантности. Можно выделить аффективную или рациональную толерантность, хотя в действительности они слиты. Можно также говорить о связи толерантности–интолерантности с эмпатией, конформизмом, достижением компромиссов, действиями, направленными на подавление кого-либо.

Успех или неуспех действий по удовлетворению потребностей ведут к накоплению опыта идентичностей, качества толерантности–интолерантности. При этом интолерантное качество может быть результатом предубеждений, оформленных в стереотипы, или актуальным, ситуативным качеством, возникающим спонтанно как реакция на непредвиденный, спонтанный ход событий, не соответствующий проекту действия. Интолерантность может быть как преднамеренной, рационализированной еще до начала события, так и возникающей в процессе адаптации.

Одна из кардинальных проблем трансформации идентичностей этнических мигрантов и принимающего сообщества — проблема территории. Вынужденные переселенцы представляются людьми, потерявшими в силу обстоятельств свою прежнюю территориальность, что влечет за собой временное или постоянное «поражение» в правах (по крайней мере, многих из них). Дело не ограничивается резким ухудшением жилищных и материальных условий. При вынужденной миграции нарушается целостность личностного пространства, социальная интеграция личности со всем комплексом социальной среды, включая и территориальную. Разрывается множество связей, которые затем искусственно создаются на новом месте. Переселенцы под влиянием неблагоприятных обстоятельств покинули освоенную ранее территорию и должны интегрироваться в социальное сообщество на новом месте, где они не скоро будут обладать утраченными возможностями. Правовая сторона получения таких возможностей может быть благоприятной или нет, но в любом случае остается острой проблема социальной и социально-психологической интеграции. Появление мигрантов вынуждает местное население обозначить, утвердить и защитить свои права, в том числе и на территорию; такая ситуация не может не быть напряженной, а то и конфликтной, ибо местные, конечно же, полагают, что пришлые не достойны таких прав, поскольку не внесли своего вклада в развитие территории. Пришлые вынуждают потесниться местных. Другими словами, в положение вынужденности попадают и те, и другие.

Взаимодействие этнических мигрантов с полиэтничной принимающей средой

Социологический подход к проявлениям толерантности–интолерантности при межэтническом взаимодействии акцентирует внимание на взаимосвязи отдельных компонентов социального действия (потребность, интерес, идея, мотив), характеристик социального действия (нормы, ценности), личностных характеристик (идентичность и стереотипы), а также на содержании и направленности поведенческих реакций. Особенную значимость в этом контексте приобретает этническая принадлежность и этническое самосознание участников социального взаимодействия и социальных отношений.

В 2002 г. группой отделения социологии Кубанского госуниверситета проведено исследование характеристик толерантности–интолерантности в ситуациях взаимодействия этнических мигрантов и полиэтничной принимающей среды в Краснодарском крае. Использовались методика определения диспозиционной структуры личности (В.А. Ядов, [5, 6, 7]), тесты Г.У. Солдатовой [2], З.В. Сикевич [8], тест М. Рокича [9], шкала социальной дистанции Богардуса (вариант Л.Г. Почебут) [10]. При построении выборки учитывалась этническая ситуация в Краснодарском крае. В настоящее время на территории

проживают представители 126 этносов. Как уже отмечалось выше, 85,9% более чем пятимиллионного населения составляют русские; 5% — армяне, 4% — украинцы, остальные — адыгейцы, греки, грузины, турки-месхетинцы, молдаване, евреи и др. Расселение этносов имеет разнообразный характер: рассеянный тип, компактные поселения, элементы анклавизации.

Население Краснодарского края можно разделить на две группы: 1) местные, то есть проживающие здесь более 10 лет; 2) мигранты — проживающие менее 10 лет. Соотношение численности этих групп — 8:2. Однако нам необходимо было уделить повышенное внимание группе мигрантов в их взаимодействии с местным населением. Поэтому подмассивы выборки по признакам «местные»–«мигранты» были сформированы по схеме 50:50. При построении выборочной совокупности проведена группировка респондентов на представителей славянских и европеоидных этносов (русские, украинцы, белорусы, немцы, греки и др.) и представителей народов Кавказа и Средней Азии (адыги, армяне, грузины и др.). В составе местного населения и в составе мигрантов соотношение этих условных групп — 8,5:1,5. Эти пропорции были положены в основу подмассивов выборки по признаку этничности. Учитывались и социально-демографические признаки: пол, возраст, образование, семейное положение, место проживания (город, село). Общий объем выборки составил 436 чел. Она включала два подмассива: «местные» — 219 чел., «мигранты» — 217 чел. Параметры итогового массива в основном совпадают с заданными. Более или менее существенные отклонения обнаруживаются лишь по признаку «образование» (непропорционально высока доля респондентов со средним специальным, незаконченным высшим и высшим образованием).

В основе этнической нетерпимости лежит кризисная трансформация по типу гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляция, национальный фанатизм), когда сверхпозитивное отношение к собственной группе порождает убежденность в превосходстве над «чужими». В межэтническом взаимодействии гиперидентичность проявляется в различных формах — от раздражения по отношению к членам других этнических групп до требований ограничить их права и возможности. Гипоидентичность означает, в первую очередь, этнонигилизм, характеризующийся отчуждением от своей культуры, нежеланием поддерживать собственные этнокультурные ценности, негативизмом и нетерпимостью по отношению к собственному народу. Ни гиперидентичность, ни гипоидентичность не могут обеспечить толерантного поведения по отношению к окружающим.

Основу толерантного отношения составляет позитивная этническая идентичность. Она представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам. Позитивную идентичность можно рассматривать как условие мирного меж-

культурного взаимодействия в полиэтничном мире. Ее формирование предполагает уважение к своему народу, гордость за его историю, традиции, ценности и достижения и в то же время — постижение многообразия культурного и этнического мира, отказ от противопоставления «меньшинство — большинство», «титупная нация — нетитупная нация», принятие другого вне зависимости от его национальности и вероисповедания, понимание непохожести и единства как двух сторон одного и того же процесса [11].

Таблица 1

Уровни и характер межэтнической интеграции, %

«Есть ли в вашем ближайшем окружении представители других национальностей?»	Группы национальностей, %			
	Славяне и представители других европейских народов		Представители народов Кавказа и Средней Азии	
	Местные		Мигранты	
<i>Среди близких родственников</i>				
Есть	50,0	55,2	77,8	60,9
Нет	48,9	42,7	22,2	34,4
Не знаю	1,1	2,1	0,0	4,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Среди личных друзей</i>				
Есть	74,9	73,3	100,0	92,2
Нет	24,6	26,7	0,0	6,2
Не знаю	0,5	0,0	0,0	1,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Среди соседей</i>				
Есть	79,1	81,8	97,2	98,4
Нет	18,6	15,5	2,8	0,0
Не знаю	2,3	2,7	0,0	1,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Среди коллег по работе</i>				
Есть	86,90	74,8	91,7	92,1
Нет	10,80	19,0	2,8	3,2
Не знаю	2,30	6,1	5,6	4,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Наше исследование свидетельствует о распространенности позитивной идентичности. В структуре идентичности к группе «мы» относятся, прежде всего, «близкие» (семья, родственники); это несколько больше выражено у группы национальностей, представляющих Кавказ и Среднюю Азию. При определении идентичности имеют место абстрактная и эмоциональная отнесенность; «мы» понимается как «свои», «друзья», «хорошие и добрые люди». Объектная определен-

ность по группе «люди моей национальности» очень слабо выражена у «европейцев» и гораздо сильнее просматривается у представителей народов Кавказа и Средней Азии. Не менее расплывчатой выглядит и контриденитичность. Оппозиционирование при определении групп «они» чаще всего возникает по отношению к абстрактным «другим людям», «чужим» как антиномии «своим», или же к «людям с чуждыми мне взглядами». Далее идет эмоциональное восприятие и определение групп «они» — это «плохие, злые люди», «неприятные мне люди». Более высокая степень отдаленности и даже угрозы формулируется у опрошенных определением «враги».

Таблица 2

Структура этнической идентичности, абс. числа и %

Тип этнической идентичности	Все опрошенные		Местные		Мигранты	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Гиперидентичность	75	17,2	44	20,1	31	13,3
Идентичность по типу нормы	312	71,6	149	68,0	163	75,1
Гипоидентичность	3	0,7	2	0,9	1	0,5
Этническая индифферентность	19	4,4	6	2,7	13	6,0
Коллеблющиеся	27	6,2	18	8,2	9	4,1
Всего	436	100	219	100	217	100

Более конкретная объектность обнаруживается при отнесении к категории «они» таких групп, как «преступники, террористы», а также представители радикальных группировок (националисты, скинхеды). Показательно, что среди более или менее отдаленных других почти не фигурируют мигранты. Такие «они» лишь у 2,8% местных респондентов. В идентичности мигрантов акцентируется принадлежность к группам «свои», «такие же, как и я», но снижено значение идентичности с друзьями. В контриденитичности мигрантов заметно актуализировано неприятие националистов, скинхедов. Данные свидетельствуют о безусловной распространенности позитивной идентичности. В массиве всех опрошенных она фиксируется у 71,6% респондентов (табл. 2).

Направленность и характер идентичности в группах «местные–мигранты» и «европейцы–кавказцы» имеет явно выраженные особенности (табл. 3). Различия в этих группах очевидны. У «европейцев», особенно местных, уровень позитивной идентичности ниже, чем у других групп; уровень гиперидентичности у местных «европейцев» намного выше, чем у местных «кавказцев».

Таким образом, данные исследования фиксируют гораздо большую потребность в этнической принадлежности у «европейцев», проживающих на территории Кубани и воспринимающих себя как представителей титульной нации. С другой стороны, иноэтничные представители, проживающие достаточно долго на территории Куба-

ни, склонны к гиперидентичности, тем самым отделяясь и от местных «европейцев», и от новоприбывших «кавказцев». Им свойственна и большая степень гипоидентичности. Идентичность мигрантов при явно выраженной гиперидентичности «европейцев» имеет и общие черты, проявляющиеся в довольно высокой степени этнической индифферентности.

Таблица 3

Структура типов этнической идентичности, %

Тип этнической идентичности	Группы национальностей			
	Славяне и представители других европейских народов		Представители народов Кавказа и Средней Азии	
	местные	мигранты	местные	мигранты
Гиперидентичность	22,7	18,8	8,3	1,5
Идентичность по типу нормы	64,1	71,1	88,9	86,2
Гипоидентичность	0,6		2,8	1,5
Этническая индифферентность	3,3	6,7		4,6
Колеблющиеся	9,4	3,4		6,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Можно также предположить, что гиперидентичность «европейцев» есть определенный результат достаточно распространенных страхов по поводу собственной этнической безопасности. Это подтверждается тем, что «европейцы» более тревожно воспринимают межнациональную обстановку. В то же время «кавказцы», находясь в иноэтнической среде в положении национального меньшинства, просто «обречены» на многообразие и интенсивность контактов с представителями других национальностей. Этническая замкнутость или этнонигилизм здесь вступают в противоречие с необходимостью взаимодействия и интеграции с социальным окружением. Ситуация в этом случае подталкивает их к позитивной идентичности.

Положение «кавказцев» обостряет у них чувство принадлежности к собственному этносу. При этом этническая индифферентность у местных отсутствует, а крайности в виде гиперидентичности и гипоидентичности выражены слабо. Гиперидентичность европейцев проявляется в зависимости их отношения к людям от этнической принадлежности последних. Суммарный «объем» в той или иной степени выраженного значения национальной принадлежности в ходе социальных контактов у местных «европейцев» — 46,7%, у мигрантов «европейцев» — 48%, в то время как у местных «кавказцев» — 27,8%, у мигрантов «кавказцев» — 31,1%, причем с преимущественным акцентом на ситуацию, а не на жесткую установку (табл. 4).

Таблица 4

«Имеет ли для вас значение при общении с людьми их национальная принадлежность?»	Группы национальностей			
	Славяне и представители других европейских народов		Представители народов Кавказа и Средней Азии	
	Местные	Мигранты	Местные	Мигранты
Да, имеет всегда	5,60	1,40		
Да, в большинстве случаев	7,80	10,10	2,80	
Иногда имеет, в зависимости от ситуации	33,30	36,50	25,00	31,10
В большинстве случаев нет	25,00	23,60	25,00	19,70
Нет, значения не имеет	25,60	26,40	47,20	47,50
Затрудняюсь ответить	2,80	2,00		1,60
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5

«Как вы оцениваете отношение к вам местных жителей?»	Группы национальностей	
	Славяне и представители других европейских народов	Представители народов Кавказа и Средней Азии
	Положительное	39,5
Скорее положительное	22,4	14,1
Нормальное, как и ко всем остальным	32,7	48,4
Скорее негативное	2,7	3,1
Резко негативное	0,7	1,6
Затрудняюсь ответить	2,0	4,7
Всего	100,0	100,0

Высокая степень толерантности — характерная черта во взаимодействии местных жителей и мигрантов. По оценкам мигрантов, они не испытывают тревожной напряженности в отношении к ним местных жителей: 39,5% «европейцев» и 28,1% «кавказцев» считают, что могут рассчитывать на помощь местных (табл. 5). Характерно, что именно мигранты «кавказцы» оценивают отношение к себе со стороны местных жителей как нормальное (как и ко всем остальным). Данные исследования показывают, что интолерантность не содержит вы-

сокого потенциала агрессивности и вызвана, скорее всего, трудностями и проблемами, возникающими в процессе узнавания и определения новых ситуаций местным населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ракачев В.Н.* Этнодемографические изменения в Краснодарском крае, 1989–1999 годы // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 49–55.
2. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии 1998. № 1. С. 126.
5. Социальная идентификация личности. Вып. 2 / Под ред. В.А. Ядова. Институт социологии РАН, 1994.
6. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности: методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1997.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
8. *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 89, 91, 150.
9. Энциклопедия психологических тестов. М., 1999. С. 43.
10. *Платонов Ю.П.* Этническая психология. СПб., 2001. С. 257.
11. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д.* Тренинг «Учимся толерантности» // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 184–185.